

Т. Я. Хабриева¹**«АКСИОЛОГИЯ» НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИЙ
В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ****Вызовы времени и роль права
в их преодолении**

Д. С. Лихачев открывает свою замечательную книгу «Человек в литературе Древней Руси» утверждени-

¹ Директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заместитель Президента РАН, академик РАН, профессор кафедры конституционного права МГИМО (Университета) МИД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Татарстан. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Конституционная реформа в современном мире», «Венецианская комиссия как субъект интерпретации права», «Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика», «Национально-культурная автономия в Российской Федерации», «Теория современной конституции» (в соавт.); «„Цветные революции“ и „арабская весна“ в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование» (в соавт.), «АСЕАН — движущая сила региональной интеграции в Азии» (в соавт.), «Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей» (в соавт.) и др. Главный редактор «Журнала российского права», «Журнала зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», член редсоветов журналов «Государство и право» и «Конституционное и муниципальное право». Представитель РФ в Венецианской комиссии Совета Европы (Европейской комиссии за демократию через право). Действительный член Международной академии сравнительного права. Член Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции; Комиссий при Президенте РФ по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров, по государственным наградам; Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности; Правительственной комиссии по проведению административной

ем: «Человек всегда составляет центральный объект литературного творчества»². Антропоцентризм выдающегося ученого и гуманиста можно смело отнести и ко всем явлениям мировой цивилизации, одним из достижений которой является право.

Сейчас, когда мы наблюдаем глубокие трансформации цивилизации — беспрецедентную глобализацию современного мира, компьютеризацию потоков информации, технологизацию и цифровизацию самого бытия человека, возникает вопрос: стало ли это бытие более гармоничным и безопасным? На фоне техногенных катастроф и природных катаклизмов, пандемии и усиления международной напряженности ответ кажется не очень оптимистичным. И наши взоры вновь обращаются к испытанному средству гармонизации общественных отношений — праву.

Современный человек, сознает он это или нет, пребывает в многомерном правовом пространстве, состоящем из международного регионального, государственного, локального уровней. Каждый уровень правового

реформы; Экспертного совета Управления Президента РФ по обеспечению конституционных прав граждан; Научного совета при Совете безопасности РФ и др. Заместитель председателя Международного союза юристов, член президиума Ассоциации юристов России. Награждена орденами «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени, Почета, Дружбы и др. Почетный доктор СПбГУП.

² Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2015. С. 5.

массива находится в динамичном состоянии и стремится дать ответы на вызовы нашего времени.

Международное право: от фрагментации к кризису

Процессы диверсификации и расширения сферы международного права привели к его фрагментации, которая стала проявляться в росте специализированных норм (например, норм *lex specialis* судебных прецедентов) и нормативно-правовых систем (таких как «автономное» право ЕС), не имеющих четкой взаимосвязи между собой и не связанных с основными принципами международного права. В этом явлении справедливо усматривают угрозу целостности международного права.

С 1990-х годов до настоящего времени наблюдаются и более тревожные симптомы, сигнализирующие о снижении универсальности международного права. Первоначально предпринимались попытки закрепить верховенство международного права над политикой государств. Эти попытки завершились провалом. Вместе с тем более отчетливо наметился тренд трансформировать международное право в однополярную нормативную систему, управляемую из единого центра (точнее, из государства-лидера). Использование военной силы в так называемых гуманитарных целях, особенно в обход Совета Безопасности ООН, стало символом отказа группы ведущих государств мира от основополагающих идей международного права. Приращение роли государственного суверенитета и почти полное игнорирование принципа невмешательства во внутренние дела служат явными признаками замещения международного права неким суррогатом — глобальным (или мировым) правом. Можно констатировать, что международное право не только вступило в полосу серьезного кризиса, но и подошло к гибели своей модели, сформированной на основе Устава ООН.

Каким может быть ответ государств, не желающих мириться с навязываемым миру «глобальным квазипорядком»? Главная задача на сегодня — возродить категорический императив согласительной природы международного права, которое во все времена было правом согласия. Нужно добиваться того, чтобы международные отношения строились только на основе равноправия и уважения суверенитета государств. Становится все более очевидным, что многополярная система — это не только желательное, но и необходимое условие возрождения международного права, основанного на Уставе ООН, и преодоления его нынешнего кризисного состояния.

Существующая теория международного права, созданная главным образом на основе Устава ООН и соответствующих международных договоров, ориентирует государства на внедрение международных норм в национальное право различными способами¹.

В связи с этим во многих странах продолжают дискуссии о соотношении международного и внутригосударственного права, в том числе о верховенстве национальных конституций в праве государств. Нема-

¹ Лазарев В. В. Философские основы имплементационной деятельности // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18.

ло конституций утверждают в том или ином виде свое верховенство по отношению к международному договору или, более широко — к международному праву в целом.

Конституционная практика большинства развитых западных государств исходит из верховенства конституции над международным правом. Нюансы в конституционном регулировании этого вопроса могут встречаться в государствах, которые относятся к системе общего права. В них такие положения чаще формулируются в решениях высших судебных инстанций. Например, практика Верховного суда США определенно свидетельствует о том, что Конституция обладает верховенством по отношению к заключаемым федерацией договорам, а нормы Конституции имеют преимущественную силу по сравнению с положениями международного договора².

Во Франции заключение международного договора или соглашения, содержащего положения, противоречащие Конституции, возможно только при условии ее пересмотра. В то же время Государственный совет Франции еще в Решении от 30 октября 1998 года занял предельно четкую позицию, в соответствии с которой «закрепленное в ст. 55 Конституции Французской Республики верховенство норм международного права не применяется во внутреннем правопорядке к конституционно-правовым нормам»³. В Федеративной Республике Германия международные договоры имеют статус федерального закона и должны соответствовать Конституции. Если они противоречат ей, то остаются действительными в международно-правовом отношении, но не могут быть применены во внутригосударственной сфере без внесения изменений в Основной закон.

В конституциях других регионов мира также немало примеров закрепления, иногда в оригинальной форме, верховенства Основного закона. Например, в Конституции Мексики предусмотрено, что законы Национального конгресса, изданные на ее основе, и все договоры, соответствующие ей, составляют верховное право федерации. Верховный суд Мексики в дополнение к этому заключил, что международные договоры обладают приоритетом перед федеральными законами и законами штатов, но уступают Конституции. Близкая по смыслу формула закреплена в Конституции Туниса 2014 года: «международные соглашения, одобренные и ратифицированные парламентом, имеют приоритет перед законами, но не перед Конституцией»⁴.

В связи с этим возникает еще один вопрос об отношении национальной правовой системы к междуна-

² См. подробнее: Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного закона России) / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Юриспруденция, 2013. С. 528–529.

³ См.: Маклаков В. В. Конституционный контроль и защита прав и свобод человека в современной Франции. М. : ИНИОН РАН, 2015.

⁴ Конституция Туниса была предметом рассмотрения Венецианской комиссии Совета Европы. См.: CDL-AD (2013)032 Opinion on the Final Draft Constitution of the Republic of Tunisia. Adopted by the Venice Commission at its 96th Plenary Session (Venice, 11–12 October 2013). Характерно, что Комиссия не сделала замечаний по поводу положения о верховенстве Конституции в правовой системе страны.

родному договору, в котором государство прекращает свое участие, и его статусе. На первый взгляд, все просто: нет договора — нет проблемы, то есть договор, прекративший действие на территории России, больше не будет рассматриваться как часть ее правовой системы, и на него не будут распространяться положения ч. 4 ст. 15 Конституции страны. Федеральное законодательство предусматривает, что прекращение международного договора Российской Федерации освобождает ее от всякого обязательства выполнять договор в дальнейшем и не влияет на права, обязательства или юридическое положение Российской Федерации, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения. Однако характер и содержание договора, а также сопутствующие обстоятельства могут отразиться на процессе прекращения международных обязательств.

Современные реалии продемонстрировали актуальность для международного и конституционного права вопроса о прекращении действия норм ряда международных договоров на территории государства. Пример у всех на слуху: вынужденный выход России из Совета Европы, объявленный 15 марта 2022 года, позволял тем не менее завершить процедуру прекращения членства в этой международной организации с 1 января 2023 года. В этом случае Россия могла бы денонсировать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) с 15 сентября 2022 года. Однако резолюция Комитета министров Совета Европы от 16 марта 2022 года с этой же даты прекратила членство России в международной организации, что повлекло и автоматическое прекращение действия всех международных договоров, открытых только для государств-членов.

При этом необоснованное исключение было сделано для ЕКПЧ, действие которой, а следовательно, и юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) было продлено для России еще на 6 месяцев — до 16 сентября 2022 года. Россия (проект Федерального закона «О прекращении действия международных договоров Совета Европы и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ») сочла необходимым прекратить действие ЕКПЧ, как и других двадцати договоров, с 16 марта 2022 года. Таким образом, решения ЕСПЧ по жалобам, принятым после 16 марта текущего года, рассматриваться в России не будут.

Выход из Совета Европы и денонсация 21 документа (Устава, Генерального соглашения о привилегиях и иммунитетах Совета, протоколов к нему, ЕКПЧ и 10 протоколов к ней, а также 3 конвенций) влекут за собой не только принятие соответствующего закона, но и признание утратившими силу 9 федеральных законов (ратификационных), внесение изменений в 9 кодексов, 2 федеральных закона и 4 указа президента.

Таким образом, только после надлежащего выполнения всех процедур изменения российского законодательства в связи с выходом России из Совета Европы можно будет считать, что соответствующие договоры не являются составной частью российской правовой системы.

Встречается мнение о том, что, помимо решения юридико-технических вопросов прекращения действия

договоров Совета Европы, необходимо в целом определиться с оставшимся от него ценностным наследием, «отголоски» которого будут проявляться в российской правовой системе. Видимо, речь не может идти об «искоренении» из правовой системы государства ценностного каталога, закрепленного не только в конвенциях Совета Европы, но и в иных международных договорах и международных актах, которые сохраняют силу для России. При этом следует сохранить ценностные достижения, имеющие более широкий горизонт закрепления (ООН, СНГ, ШОС, БРИКС и т. д.), уже в качестве императивов общего международного права без привязки к конкретным механизмам их прошлой имплементации и в качестве общепризнанных принципов и норм международного права с учетом прежде всего Конституции страны и опорой на нее¹.

Право интеграционных объединений: императивы политики и экономики

Общее международное право пребывает в кризисе и ищет ответы на современные вызовы, но не все международные уровни правового массива находятся в таком же состоянии. Международное интеграционное право, которое иногда называют наднациональным, становится объектом пристального внимания не только юридической науки, но и государств. Носителем и «законодателем» данного наднационального права выступают региональные международные организации, в ряде случаев отличающиеся интеграционным характером, то есть обладающие наднациональными полномочиями. В отличие от универсальных международных организаций, в которых участвует большинство государств мира и которые наделены достаточно сложным и неэффективным механизмом принятия решений, для региональных международных организаций характерен, как правило, более компактный состав, более современные и гибкие институционные механизмы, призванные в кратчайшие сроки достигать поставленных целей. Правда, намечается тенденция, которую еще предстоит оценить, — это формирование неких региональных международных анклавов закрытого типа, к которым относится Европейский союз и (в последнее время это становится все очевиднее) примыкает Совет Европы.

Россия выступает как поборник равноправного и справедливого международно-правового регионализма, что проявляется в стратегиях ее участия в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), СНГ, ШОС, БРИКС. Международные интеграционные объедине-

¹ См. подробнее: Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414; Она же. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 6–12; Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, 2020; Морозов А. Н., Каширкина А. А. Конституционные преобразования в Российской Федерации и взаимодействие международного и внутригосударственного права: преемственность и новизна // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 1. С. 120–141.

ния (ЕАЭС, Союзное государство России и Беларуси) — важные инструменты обеспечения международной и региональной экономической устойчивости, преодоления мировых экономических кризисов и минимизации их последствий. Они оказывают ощутимое воздействие на экономический рост государств-членов в случае эффективного функционирования самого межгосударственного интеграционного объединения. Это объясняется тем, что в рамках межгосударственного объединения, как правило, посредством международных договоров создается особое международно-правовое и экономическое пространство, которое в период глобальных кризисов призвано оставаться пространством безопасности и устойчивости благодаря заложенному в международно-правовых актах арсеналу средств более тесного сотрудничества на основе взаимной поддержки¹.

На наш взгляд, поступательное развитие интеграции требует от государств постепенного наращивания интеграционного взаимодействия, то есть углубления и расширения сфер сотрудничества за счет включения в матрицу правового регулирования новых параметров и форматов². Разумеется, такие параметры и форматы интеграционного взаимодействия государств в рамках международного объединения или международной организации немыслимы без международно-правовой составляющей, а в конечном счете — без договоренностей государств о новых сферах и формах сотрудничества в рамках межгосударственного интеграционного объединения.

На региональном уровне происходит весьма активное наращивание массива так называемого интеграционного права, которое конкурирует, а подчас и конфликтует с нормами международного права. Так, в ряде своих постановлений Суд Европейского союза открыто высказался в пользу приоритета «права сообщества» над международным правом³. Однако эта концепция не может быть поддержана безоговорочно, потому что такой подход открывает путь для злоупотребления правом (пусть даже интеграционным) в ущерб интересам третьих государств и других международных организаций. ЕАЭС, к примеру, занимает противоположную позицию, закрепляя в преамбуле учредительного договора приверженность государств-членов и Союза целям и принципам Устава ООН, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права.

В то же время в условиях деформации международного правопорядка, усиления интернациональной

и политической конфронтации очень важно сохранить международно-правовые основы для позитивного развития мировой и региональной интеграции⁴. При этом нельзя отрицать, что существующая интеграционная повестка демонстрирует во всех общемировых процессах обострение регионализации, пришедшей на смену глобализации.

В целом феномен регионализации укладывается в логику диалектических процессов. Он приходит на смену глобализации тогда, когда она перестает двигаться по восходящей линии цивилизационного развития. В этом случае регионализация объективно является некоторым «отчуждением» от достижений цивилизации человечества в общемировом смысле. К тому же феномен регионализации является для напряженных международных отношений «траекторией спасения», позволяющей избежать противоборства глобальных игроков в жестких форматах. Так или иначе, регионализм может выступать и политической альтернативой, и экономической площадкой роста нового международного сотрудничества с государствами, которые долгое время находились в тени мировой политики и экономики. Это в полной мере относится и к феномену региональной интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также организаций международного сотрудничества типа ШОС и БРИКС, не являющихся в строгом смысле слова интеграционными объединениями, но обладающими некоторыми их характеристиками.

При этом сохранение функционирования межгосударственных интеграционных объединений на региональном уровне, а также развитие международно-правового регулирования интеграционных отношений в условиях деформации мирового правопорядка ставит для государств вопрос о модернизации законодательства и конституционных норм. Примечательно, что за последние два-три года во всех государствах ЕАЭС значительно обновились как конституции, так и текущее законодательство.

Можно заключить, что императивы политики и экономики побуждают многие государства искать точки опоры в интеграционных региональных объединениях и в интеграционном праве. Неслучайно интеграционная динамика проявляется не только в Европе, но и в Центральной и Южной Америке, Африке, Юго-Восточной Азии.

Конституция как прибежище социальной стабильности

В условиях масштабного глобального конфликта, развивающегося в разных направлениях, и неясности контуров нового мирового порядка важнейшим элементом внутренней стабильности каждого общества остается Основной закон государства — Конституция. Пожалуй, в правовом отношении это самая надежная точка опоры. Она задает ключевые векторы развития

¹ См. подробнее: *Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я.* К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 5–15; *Хабриева Т. Я.* О правовых контурах и координатах евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47). С. 21–23; *Тюнов О. И.* Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2012. № 8 (188). С. 92–98; *Курбанов Р. А.* Евразийское право. Теоретические основы. М.: ЮНИТИ: ЮНИТИ-ДАНА, 2015; *Он же.* Евразийская интеграция в контексте мировой глобализации: современные тренды и тенденции развития // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 133–141.

² *Каширкина А. А.* Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 160–171.

³ См., например: *Flaminio Costa v E.N.E.L. Case 6/64. Judgment of the Court of 15 July 1964.*

⁴ См. об этом: *Тихомиров Ю. А.* Способы преодоления критических ситуаций как деформирующего фактора развития государства и мирового сообщества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18, № 1. С. 13–15.

общества и закладывает прочный фундамент регуляторов общественных отношений.

Стратегические ориентиры новой парадигмы суверенного ценностно ориентированного конституционного развития восприняты и Россией. Практика конституционных поправок до последнего времени по сравнению со многими другими странами, осуществившими полномасштабные конституционные реформы, была менее радикальной¹. Конституционные преобразования в Российской Федерации происходили путем точечных изменений Основного закона и раскрытия его потенциала посредством правоинтерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, а также законотворчества².

В Послании Президента Федеральному собранию 15 января 2020 года, по сути, была провозглашена стратегия дальнейшего конституционного и государственно-правового развития, базирующаяся на ценностях техногенной цивилизации и коллективизма, а также на приоритете социокультурной специфичности российского общества.

Широкая дискуссия, развернувшаяся в ходе подготовки поправок к Конституции Российской Федерации, продемонстрировала общественный запрос на отражение в Основном законе «конституционной самобытности» и ряда других ценностных и морально-нравственных ориентиров.

Инициатива президента, которая была реализована в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»³, дала старт пусть не конституционной реформе⁴, но все же преобразованиям, по своему значению, масштабам и глубине приближающимся к ней⁵. Их осуществление привело к следующим последствиям.

1. Расширение ценностного каталога Основного закона, более рельефное отражение в нем исторических истоков, духовных традиций и собственных идеалов российского общества.

2. Модернизация системы социальных прав граждан и юридических гарантий.

¹ См. подробнее: Конституция 1993 года: была ли альтернатива: материалы круглого стола (Москва, 16 января 2019 г.) / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2020.

² Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414.

³ Об этом см. подробнее: Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Указ. соч.

⁴ О признаках и чертах конституционной реформы, а также других разновидностях конституционных преобразований см.: Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М.: Наука, 2016; Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2018; Khabrieva T. La réforme constitutionnelle dans le monde contemporain. P.: Société de législation comparée, 2019.

⁵ О хронике проведения конституционных преобразований см.: Конституционная модернизация — 2020 и Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: [сайт]. URL: https://izak.ru/img_content/content/books/konstitucionnaya-modernizaciya-2020-2.pdf (дата обращения: 16.06.2022).

3. Корректировка формы публичной власти, придание ей новых очертаний в связи с ощутимой коррекцией корреспондирующей этой форме содержания.

4. Своеобразный тюнинг механизма государства и осуществления публичной власти, а также технологических процессов формирования и проведения государственной политики, установление новых параметров функционирования системы публичного управления.

5. Изменение в конфигурации дихотомии национальной правовой системы, соотношении ее открытости и защищенности от негативного внешнего воздействия. Оно произошло посредством встраивания в Конституцию и конституционное законодательство новой (но уже апробированной) благодаря деятельности Конституционного Суда РФ) формулы соразмерности универсальных и национальных правовых ценностей, принципов и норм.

В результате состоявшихся на разных уровнях обсуждений, включая общественную дискуссию и дебаты в палатах Федерального собрания, в обновленной Конституции 1993 года нашли отражение или получили особое звучание общественно значимые ориентиры, которые существенно расширили и углубили ценностное содержание Конституции. Среди них стоит выделить следующие.

1. Социокультурные и духовные ценности — основа национальной (государственной) идентичности и самоидентификации российского народа: многонациональный союз равноправных народов, объединенных тысячелетней историей; преемственность в развитии Российского государства; исторически сложившееся государственное единство; русский язык как язык государствообразующего народа; общероссийская культурная идентичность; культура как уникальное общее наследие при сохранении культурной самобытности народов, этнокультурного и языкового многообразия; сохранение памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога; историческая правда и ее защита; патриотизм, гражданственность, почитание памяти о защитниках Отечества, значение подвига народа при защите Отечества; традиционные для России семейные ценности — брак как союз мужчины и женщины; обеспечение приоритета достойного семейного воспитания; уважение к родителям и старшим и забота о них, солидарность поколений.

2. Ценности общественного (в том числе социально-экономического) развития: устойчивый экономический рост; передовое научно-технологическое развитие; социально ориентированная государственная политика; «ценностное» отношение к труду и уважение человека труда; социальное партнерство; общественное и индивидуальное здоровье и формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью.

3. Экологические ценностные ориентации: сохранение природного и биологического разнообразия страны, обеспечение экологической безопасности, экологическое воспитание. Регламентация этих положений направлена в том числе на установление оптимального баланса индивидуальной свободы и общественных, публичных интересов.

4. Социально-политические ценности: гражданский мир и согласие в стране; экономическая, политическая и социальная солидарность; развитие гражданского общества и поддержка его институтов, включая некоммерческие организации; международный мир и безопасность; мирное сосуществование государств и народов. Перечисленные ценности ранее не возводились на уровень конституционного регулирования в Российской Федерации, за исключением ряда положений внешнеполитического раздела Конституции РСФСР 1978 года (где имеется ссылка на Конституцию СССР).

5. Государственно-правовые ценности: принцип правопреемства (правопродолжательства) в отношении Союза ССР, закрепляющий российскую конституционную идентичность во внутригосударственном и международном пространстве; принцип единства публичной власти. В связи с тем что система разделения властей, включающая «сдержки и противовесы», является одним из признаков правового государства и представляет собой ценность политического, государственно-правового характера, можно констатировать и определенные изменения в этой системе¹.

Кроме того, усилены акценты на таких ранее закреплённых в Основном законе ценностях, как суверенитет и территориальная целостность Российской Федерации, предпринимательство и частная инициатива.

В числе прямо неупомянутых в качестве ценности, но присутствующих в тексте Конституции (что можно определить посредством систематического толкования ее норм) — сильное, независимое государство, соответствующее российской ментальной традиции. Важнейшая часть любой Конституции — фиксация на высшем правовом уровне норм о суверенитете государства. Новые формулировки статей о правопреемстве (правопродолжательстве), укреплении международного мира и безопасности, участии в международных договорах следует рассматривать в общем контексте, который закрепляет и углубляет понимание концепции суверенитета Российской Федерации и внешней политики государства².

Вполне корректно оценивать в том же контексте регламентацию Конституцией вопросов, связанных с усилением охраны самой Конституции, поддержанием ее авторитета и приоритета в правовой системе страны, с невмешательством во внутренние дела Российского государства. Российская Федерация, будучи суверенным государством, обладающим всеми полномочиями по определению конфигурации собственной правовой системы, ранее закрепила в ч. 1 ст. 15 и далее будет реализовывать примат Конституции над теми нормами международного права, которые ей не соответствуют. Прежде всего это касается такого истолкования межгосударственными органами положений международных договоров, которое противоречит Конституции РФ.

¹ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права: наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. М. ИНФРА-М, 2020. С. 62–64.

² См. подробнее: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: ИНФРА-М, 2021.

В поиске новых стратегий правового развития как на мировом, так и на национальном уровне центральное место в большинстве государств занимает мировоззренческая проблематика, отражающая защиту национального суверенитета и культурной идентичности. Для России она чрезвычайно актуальна. Сейчас, когда в Основном законе наконец расставлены ценностные маркеры, можно двигаться дальше — настраивать правовую систему Российской Федерации в унисон с конституционализированными духовными, морально-нравственными и политико-правовыми ориентирами. Это позволит Конституции России занять достойное место в мировом конституционном пространстве и обеспечить успешное преодоление недостатков и деформаций международного правового порядка.

Ценностные ориентиры современных обществ и их закрепление в конституциях

Конституционная реформа 2020 года в России обострила интерес к аксиологической (ценностной) составляющей Основного закона. Как известно, в текст Конституции были внесены изменения, касающиеся исторического наследия страны, культурной самобытности всех ее народов и этнических общностей, защиты института брака и семьи, социальных гарантий и т. д. По утверждению некоторых либеральных критиков, акцент на коллективной идентичности в обновленной Конституции якобы отражал попытки «замедлить возникновение современного общества в России»³. На самом деле усиление ценностных элементов в современном конституционализме — это общемировой тренд.

В новых или обновленных конституциях неевропейских стран начинают проявляться тенденции, выражающиеся в преодолении исключительно либеральной, считавшейся «универсальной», ценностной модели. Государства все чаще отстаивают не только политический, но и «ценностный» суверенитет. Как представляется, отход от классических принципов западного либерализма в пользу защиты собственного суверенитета и ценностей собственного развития будет ускоряться, поскольку провозглашенные Западом «универсальные», «общечеловеческие» идеалы в современной международной обстановке оказались не более чем декларациями. Даже ценности, связанные с неотъемлемыми правами человека (свобода, собственность, безопасность), на практике отрицались и с легкостью нарушались.

История мирового конституционализма неразрывно связана с аксиологической оценкой конституции как основного закона в государстве. По выражению одного из основоположников социологической школы Э. Дюркгейма, в числе задач любой конституции «перевод представлений о ценностях того или иного общества на язык права». Более того, согласно концепции Дюркгейма, сама жизнеспособность обще-

³ Бланкенгель А. Конституции, коллективная идентичность и конституционная идентичность: куда мы должны двигаться? (на англ. яз.) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 1 (146). С. 73.

ства определяется тем, есть ли у него идеалы и высшие ценности¹.

Уже первые в мире конституционные акты XVII–XVIII веков в Англии, США, Франции содержали указание на основные принципы и ценности революционного либерализма — верховенство закона, парламентаризм, разделение властей, естественные и неотчуждаемые права человека. Главными среди них представлялись свобода, равенство, собственность, сопротивление угнетению.

Либеральные индивидуалистические конституции VIII–XIX веков были в XX веке массово заменены конституциями, закрепившими ценностную концепцию «социального» и «правового» государства. Появились и социалистические конституции, основанные на ценностях, отрицающих или трансформирующих западную либеральную идеологию.

В настоящее время постепенная смена вектора мирового цивилизационного развития в сторону многополярного мира (которая, как мы видим, сталкивается с огромными препятствиями) формирует предпосылки для появления новых конституционных ценностных ориентиров. Эти ориентиры в большей степени учитывают историческое разнообразие культур и национальных правовых систем. Данное явление особенно характерно для стран с древними и самобытными культурными традициями, таких как Китай, Индия, Россия, для арабо-мусульманского региона (особенно после революций «арабской весны»), для некоторых сообществ Африки.

Вполне закономерно, что первые два десятилетия XXI века ознаменовали новый этап массового преобразования конституций в этих странах и регионах мира, которые стали исходить из новых стратегий своего развития и представлений о собственной социокультурной идентичности. Можно сказать, что социокультурная, ценностно-формирующая роль конституции как основного закона государства становится сейчас как никогда востребованной.

Эволюция мирового конституционализма в пользу усиленной защиты собственных ценностей и национальной идентичности особенно заметна на примерах конституций стран Латинской Америки, Африки и ряда азиатских государств. Даже некоторые страны Восточной Европы (например, Венгрия) вносят в свои конституции положения, которые во многом расходятся с западным либеральным мейнстримом (например, о браке как союзе мужчины и женщины, роли христианства в сохранении нации, поддержке уникального языка и культуры, основных ценностях нации, среди которых верность, вера и любовь).

Если первые конституции стран Латинской Америки (Венесуэлы 1811 г., Аргентины 1819 г., Мексики 1824 г., Боливии 1826 г.) были сконструированы по французским или североамериканским лекалам, то ныне они отличаются самобытностью, учитывают местные реалии и закрепляют различные социально-экономические ценности, не имевшие аналогов в более ранних конституциях мира.

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. 4-е изд., испр. М. : Юрайт, 2019.

Большинство государств Африки после обретения независимости выбрали в качестве образцов конституционные институты бывших метрополий. Вместе с тем в самых последних конституциях Африки все чаще появляются положения, в значительной мере отражающие национальную специфику, национальную идентичность и культурное своеобразие этих народов. Оригинальности добавляет роль обычного права в их правовых системах.

К особой группе африканских конституций можно отнести конституции государств преимущественно Северной и Центральной Африки, которые иногда именуется «исламскими». Многие из новейших конституций в данном регионе появились в результате революционных событий, получивших название «арабская весна»². Среди них — Конституция Марокко (2011), Конституция Республики Южный Судан (2011), Конституция Египта (2014), Конституция Туниса (2014). Помимо традиционных исламских ценностей в них закрепляются основы общественного и государственного строя, которые отражают специфику культурно-исторического развития этих стран. Так, в Конституции Арабской Республики Египет историческим особенностям страны и ее вкладу в мировую цивилизацию посвящено несколько страниц преамбулы.

Можно утверждать, что в конституциях Африки XXI века наблюдается существенное расширение пределов и объектов конституционной регламентации, стремление включить в основной закон все важные проявления общественной жизни и широкий круг морально-этических ценностей, которые ранее не были предметом правового (тем более конституционного) регулирования. В африканских конституциях появляются также и специальные разделы об основных целях и принципах государственной политики и о «ценностях государства и нации»³.

Представляется, что современные латиноамериканские и африканские конституции в части регламентации национальной идентичности и национальных конституционных ценностей во многом заслуживают внимания конституционалистов; они нередко превосходят в этом смысле конституции стран Запада и других регионов мира. В них есть указания на ценностные основы и принципы построения общества и государства, главные цели и задачи государственной политики. Та-

² Подробнее об этом см. : Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Указ. соч.

³ Следует также отметить, что многие термины, обозначающие исторические национальные институты и установления, стали включаться в новейшие африканские конституции непосредственно на национальных языках, без перевода на европейские языки. По этой причине при подготовке Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации многотомного издания «Конституции стран мира» приходилось давать либо подстрочный перевод этих терминов, либо комментариев к ним. См.: Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006 ; Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Норма : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010 ; Конституции государств Африки и Океании : сб. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018–2022.

кое целеполагание в полной мере соотносится с одной из главных черт любой конституции — быть политическим и идеологическим программным документом. Далеко не все конституции мира отвечают этой задаче.

Ценностные ориентиры характерны для конституций всех государств СНГ. Помимо отсылок к общим ценностям, закрепленным в преамбулах, эти конституции устанавливают права на сохранение национальной и этнической самобытности (ст. 56 Конституции Армении) и связи с диаспорой (ст. 19), ответственность государства за сохранение национального исторического, культурного и природного наследия (ст. 15 Конституции Туркменистана). Обновленная конституция Киргизской Республики содержит отдельную главу «Духовно-культурные основы общества» (раздел первый, гл. III). Характерно, что ни одно из указанных государств не берет на себя миссию «нести свет своих ценностей» во внешний мир.

Несколько иную картину мы наблюдаем в Европейском союзе. Опыт ЕС показывает, что даже общепринятые ценностные ориентиры не всегда могут вести в верном направлении. Как известно, основополагающие ценности указанного объединения закреплены в ст. 2 Договора о Европейском союзе¹. Среди них можно назвать идеалы верховенства права, демократии и прав человека. С течением времени указанные ценности обрываются многочисленными механизмами защиты, которые носят все более и более инвазивный характер по отношению к конституционному развитию отдельных государств-членов. При этом традиционный механизм противодействия «серьезному и устойчивому нарушению основополагающих ценностей», знаменитая ст. 7 Договора о Европейском союзе, дополняется все новыми и новыми механизмами надзора и принуждения. Апогеем указанного идеологического давления становится Механизм обусловленности верховенством права, предусмотренный в 2020 году². Он угрожает лишить Венгрию средств Фонда восстановления ЕС, который был создан с целью преодоления последствий пандемии коронавируса, а также иных бюджетных средств, необходимых для реализации мер Союза. Указанное ставит под сомнение саму целесообразность членства Венгрии в ЕС. Польша в качестве штрафных санкций, установленных Судом Европейского союза, за нарушение ценностей верховенства права уже должна выплатить ЕС

более 100 млн евро, и эта задолженность возрастает на 1 млн евро ежедневно.

Обеспокоенность вызывают также положения Договора о Европейском союзе, согласно которым Союз осуществляет международное сотрудничество не для того, чтобы прийти к взаимному согласию с иными цивилизациями и народами, а с целью защиты и «продвижения» собственных ценностей, что прямо закреплено в ст. 21 Договора о ЕС. Указанное нельзя назвать не чем иным, как «диктатом ценностей», что приводит к конкретным практическим последствиям. В 2020 году в Европейском союзе были изданы акты Совета³, согласно которым за действия, квалифицируемые Союзом в качестве «серьезных нарушений прав человека и злоупотреблений ими» (что является весьма оценочным понятием), любой человек в мире может быть лишен имущества, собственности, доходов и свободы передвижения в Европе. И все это осуществляется вне географической привязки, то есть представляет собой экстратерриториальное действие актов объединения в отношении частных лиц, без необходимости решать, привлекать их к международной или внутренней ответственности.

Таким образом, «диктату ценностей» нет места в условиях перезагрузки современного миропорядка и формирования полицентричной архитектуры мироустройства, которая становится неизбежной. Негативный опыт Европейского союза служит напоминанием о том, что никакой радикализм, диктат и экстремизм, даже в благих целях, не способствуют сохранению мира и повышению благосостояния народов.

* * *

Подводя итог, отметим, что за последние десятилетия серьезной трансформации подверглась вся система права, регулирующая на разных уровнях сферу общественных отношений. Право, творимое законодателями, старается поспевать за стремительными изменениями условий человеческого бытия. Каждая эпоха создавала свои контексты, диктовала праву свои ценностные ориентиры. Право сохраняет предшествующие контексты, сумма которых может быть названа памятью права, и в этом смысле оно, как и язык, — код в сложении с его историей. В поисках точек опоры для современного права не будем забывать завет Д. С. Лихачева: все достижения цивилизации должны служить во благо человека.

¹ Consolidated version of the Treaty on European Union // EUR-Lex : [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (дата обращения: 16.06.2022).

² Regulation (EU, Euratom) 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // EUR-Lex : [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?toc=OJ%3AL%3A2020%3A4331%3ATOC&uri=uriserv%3AAOJ.LI.2020.433.01.0001.01.ENG> (дата обращения: 16.06.2022).

³ Consolidated text: Council Regulation (EU) 2020/1998 of 7 December 2020 concerning restrictive measures against serious human rights violations and abuses // EUR-Lex : [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2020/1998> (дата обращения: 16.06.2022); Council Implementing Regulation (EU) 2021/478 of 22 March 2021 implementing Regulation (EU) 2020/1998 concerning restrictive measures against serious human rights violations and abuses // EUR-Lex : [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0478> (дата обращения: 16.06.2022).